

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

В. Н. Барышников

Барышников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru, vbaryshnikov@mail.ru

США И СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ В 1939 Г. (ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТОВ ИЗ ФИНЛЯНДИИ)

Соединенные Штаты в момент советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. открыто политически поддержали Финляндию. 12 октября президент США Ф. Д. Рузвельт выразил «искреннюю надежду на то, что Советский Союз не предъявит Финляндии требований, несовместимых с поддержанием и развитием дружественных и мирных отношений между двумя странами...». Это обращение серьезно подкрепило уверенность Финляндии в необходимости на переговорах твердо отвергнуть основные советские предложения. Однако, американское обращение несколько не повлияло на позицию СССР. США же далее призыва к мирному урегулированию конфликтной ситуации не пошли. Таким образом своими, действиями Америка лишь создала для финского руководства иллюзию надежды на помощь с ее стороны. В этом отношении в Финляндии допустили серьезную политическую ошибку. Финское руководство явно преувеличивало роль США в стремлении оказать им поддержку и совершенно неверно оценили особенностей европейской политики Соединенных Штатов в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: 1939 г., США, Вторая мировая война, «зимняя война», советско-финляндские переговоры, финско-американские отношения.

V. N. Baryshnikov

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich, Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru, vbaryshnikov@mail.ru

USA AND SOVIET-FINNISH NEGOTIATIONS IN MOSCOW IN 1939 (VIEW OF DIPLOMATS FROM FINLAND)

The United States at the time of the Soviet-Finnish negotiations in Moscow in the autumn of 1939 clearly politically supported Finland. On October 12, US President F. D. Roosevelt

«expresses the earnest hope that the Soviet Union will make no demands on Finland which are inconsistent with the maintenance and development of amicable and peaceful relations between the two countries...». This appeal seriously reinforced Finland's confidence in the need to firmly reject the main Soviet proposals at the negotiations. However, the American appeal had no effect on the position of the USSR. The United States did not go beyond the call for a peaceful settlement of the conflict situation. Thus, by its actions, America only created for the Finnish leadership the illusion of hope for help from its side. In this regard, Finland has made a serious political mistake. The Finnish leadership clearly exaggerated the role of the United States in seeking to support them and completely misjudged the peculiarities of the European policy of the United States in the late 1930s.

Keywords: 1939, USA, World War II, Winter war, Soviet-Finnish negotiations, Finnish-American relations.

Соединенные Штаты, как известно, в 1920-1930-е гг. проводили в отношении европейских государств политику изоляционизма. Однако это отнюдь не означало отказ от весьма активного дипломатического участия США в европейских делах. Естественно, Вашингтон также принимал определенные внешнеполитические усилия расширить свое влияние на политику различных европейских стран в период острых международных кризисов, которые возникали накануне и в начале Второй мировой войны.

В данном случае небезынтесной представляется та внешнеполитическая линия, которую осуществляла Америка в отношении Финляндии и СССР накануне начала «зимней войны», т.е. в период наиболее драматичных советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. Об этом уже в какой-то степени есть отдельные научно-исследовательские работы. В них весьма четко фиксируется явное стремление Соединенных Штатов в ходе переговоров оказать некоторую поддержку Финляндии в ее противостоянии Советскому Союзу¹. Естественно, эта поддержка станет наиболее заметна в период самой «зимней войны». Тогда в Америке популярность Финляндии возросла до невиданных ранее форм. В результате в определенных работах подчеркивалось, что, например, «весной 1940 г. трудно было даже найти американца, который не “танцевал, не шил, не молился, не играл в бридж или бинго, не праздновал или просто не выражал своих чувств

¹ *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. New York, 1960. P. 74; *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. Hels., 1987. P. 66-67. См. также: *Schwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. Washington, 1960; *Jacobs T. B.* America and the Winter War, 1939-1940. New York – London, 1981; *Фельд А. Е.* Советско-финская война 1939-1940 гг. глазами американцев // *Метаморфозы истории.* 2003. № 3. С. 149-160.

к Финляндии»². Эта благожелательная к Финляндии позиция населения США также хорошо прослеживалась и в опубликованных рассекреченных документах госдепартамента Америки. Здесь достаточно полно была представлена дипломатическая переписка Вашингтона по «финской проблеме» того времени³.

Тем не менее, судя по этим документам, а также по данным, которые приводятся в исследовательской литературе, очень хорошо заметно, что в Америке поддержка Финляндии «на уровне практической политики оставалась относительно скромной» или просто, что к Финляндии «интерес Соединенных Штатов был ограничен»⁴. Однако, поддержка США в противоборстве Хельсинки и Москвы крайне ценилась финским руководством. Даже в мемуарах маршала К. Г. Маннергейма, опубликованных в начале 1950-х гг., четко фиксировалась «помощь, которую Финляндии оказывали на московских переговорах... Соединенные Штаты Америки». Далее, однако, Маннергейм подчеркнул, что эта поддержка, также как и поддержка Скандинавских стран, «оказалась небольшой по ее реальной ценности, но все же укрепляла наших политиков и круги близкие к ним, во мнении, что Советский Союз не нападет на нас, а если нападет, то мы будем не одиноки». Вывод же, который содержится по данному поводу в воспоминаниях маршала, был в целом неутешительным. Он написал: «С момента развязывания войны стало ясно, что вера в активную помощь не что иное, как иллюзия, и что на самом деле страна оказалась в изоляции, которую можно назвать ужасной»⁵.

В итоге, возникает вопрос, насколько помощь и поддержка Америки Финляндии в ходе советско-финляндских переговоров в Москве была действительно серьезной? Или, если верить воспоминаниям К. Г. Маннергейма, наоборот, американцы тогда просто лишь порождали в финском руководстве иллюзии возможного своего эффективного воздействия в пользу Финляндии на советское руководство? В результате, тогда уже становится неясным, почему Соединенные Штаты в действительности проводили столь своеобразную политическую линию в отношении Финляндии, которая явно запутывала финское руководство?

Чтобы постараться ответить на эти вопросы, первое, что вероятно

² *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1984. № 4. S. 342; См. также: *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 67.

³ *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers*. 1939. Vol. I. Washington, 1956.

⁴ *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota. S. 342; *Schwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. P.10.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 240.

следует учитывать, является то, что в действительности о самом существовании Финляндского государства в 1920-1930 гг. среди широкой международной общественности реально мало кто представлял. Американский исследователь М. Р. Берри в своей аналитической по своей сути книге, об особенностях внешней политики США в отношении Финляндии, указывает на случай, который произошел в конце 1920-х гг., когда паспорт финского путешественника в поезде на болгарской границе вызвал очень большое удивление у пограничного инспектора. Он просто не поверил, что «существует страна под названием Финляндия». Тогда, как пишет Берри, пограничнику «один из пассажиров с этого поезда объяснил, что “Финляндия — крупный город в Германии”»⁶. Далее американский исследователь, со своей стороны, заметил: «В 1920-х годах американцы, возможно, были не лучше информированы о Финляндии, чем те пассажиры поезда, которые оказались на болгарской границе»⁷.

В целом, было очевидно, что в широком плане американская дипломатия «по финской проблеме» во многом лишь только картелировалась с внешней политикой Великобритании и Франции⁸. Но в Лондоне и Париже решали на Севере Европы исключительно свои масштабные геополитические задачи⁹, от которых в Америке все же находились тогда еще весьма далеко. В Вашингтоне явно в тот период «относились с большой неохотой к “тем авантюрам”, которые могли вовлечь США в вооруженные конфликты»¹⁰. Более того, саму политику европейских «демократических стран» в отношении Финляндии в Вашингтоне очень хорошо понимали. В частности, видный государственный деятель и соратник президента США Ф. Рузвельта Гарольд Икес тогда записал в своем служебном дневнике вполне очевидную вещь. Он отметил, что финское правительство «используется высокопоставленными финансовыми кругами Англии и Франции для того, чтобы причинить как можно больше вреда России, не считаясь даже с тем, если, в конечном счете, финны потерпят крах перед лицом ее превосходящей мощи»¹¹.

В результате, для американского руководства создавалась весьма

⁶ *Berry R. M. American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 37.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Polvinen T. USA ja Suomen talvisota. S. 342.*

⁹ См.: *Барышников В. Н. Финская война. М., 2023. С. 336-356; Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 457-458.*

¹⁰ *Polvinen T. USA ja Suomen talvisota. S. 342.*

¹¹ *Ickes H. The Secret Diary. Vol. III. New York, 1954. P. 134.*

запутанную ситуацию, где явно формировалась достаточно противоречивая внешнеполитическая позиция. Как справедливо заметил профессор Т. Полвинен: «Парадоксально, но большинство американских избирателей хотели “спасти” Финляндию, но в то же время остаться в стороне от самой войны». Далее, раскрывая особенности этой политики, историк отмечает: «Поэтому правительству Рузвельта приходилось, с одной стороны, стараться удовлетворять эмоции избирателей профинскими жестами, а с другой - быть осторожным, чтобы не вызывать подозрений в намерениях втянуть Соединенные Штаты в большую войну»¹².

Тем не менее, несомненно, важным остается понять, как в Финляндии тогда оценивали особенности политики США и таким образом стремились использовать в выгодном для себя плане эту политику. В данном случае, несомненно, линию финского МИДа наиболее четко можно было заметить лишь при внимательном изучении архивных дипломатических документов, хранящихся сейчас в Хельсинки¹³.

В целом в отношении Финляндии концептуально политика Вашингтона начала наиболее четко вырисовываться в период самих советско-финляндских переговоров. В Америке явно тогда наблюдалась эволюция подходов к «финской проблеме», закончившаяся тем, что с началом «зимней войны» в США уже четко перешли на сторону поддержки Финляндии.

Что же касается финского руководства, то судя по документам, в Хельсинки, безусловно, стремились учитывать все нюансы политической линии Соединенных Штатов. Но при этом явно надеялись, что осенью 1939 г. им все же удастся подключить США к решению, в позитивном для себя плане, «советско-финляндского спора». В целом, Вашингтон четко рассматривали в качестве очень влиятельного для Финляндии союзника, способного оказать действенную помощь ее в противостоянии СССР. Залогом этих надежд были в целом весьма доброжелательные американо-финляндские отношения, залогом которых в США считался факт «порядочности Финляндии». Именно эта страна оказалась единственной в мире, которая в период мирового кризиса начала 1930-х гг. полностью смогла погасить свой долг перед Соединенными Штатами. Как отметил Р. Берри, «образ “честной маленькой Финляндии”, расплатившейся по долгам, стал символом положительного» отношения в Америке к этому государству¹⁴.

Главное же, на что рассчитывали в финском МИДе, было то,

¹² *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota. S. 342.

¹³ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее - УМ).

¹⁴ *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 30.

чтобы «добиться от беспристрастной внешней стороны объективного объяснения Кремлю..., что Финляндия не может представлять даже какой-либо реальной угрозы безопасности Ленинграда». Этой «беспристрастной внешней стороной» финский министр иностранных дел Э. Эркко считал именно Соединенные Штаты Америки¹⁵.

В данном случае данную внешнеполитическую линию Финляндии на «американском направлении», естественно, тогда стремились осуществлять, прежде всего, через свое дипломатическое представительство в Вашингтоне. С 1939 г. оно возглавлялось достаточно опытным дипломатом, бывшим министром иностранных дел Финляндии, Х. Прокопé¹⁶. В Финляндии его внешнеполитическую деятельность в целом очень высоко ценили. Он считался, «бесспорно, освоившемся в дипломатической среде, в том числе и в области большой политики». Его характеризовали, как человека «внутренней собранности и способности приспосабливаться к любым условиям»¹⁷.

Естественно, имея соответствующие установки, исходящие из МИДа, Прокопé сразу же, осенью 1939 г., развернул невероятно кипучую деятельность. Она оказалась настолько инициативной, что даже несколько смущала госсекретаря США К. Хелла, который стал его тогда считать просто «неприятным невротиком». Как заметил глава внешнеполитического ведомства Америки, Прокопé буквально «болтался в различных кругах госдепартамента»¹⁸, что, очевидно, не особенно нравилось руководителю этого учреждения.

Однако, несмотря на столь критическое отношение К. Хелла к финскому дипломату и данные ему нелесные характеристики, Х. Прокопé все же сумел расположить к себе значительную часть влиятельных американцев, на которых, очевидно, производил, в отличие от представлений Хелла, достаточно приятное впечатление. В итоге он действительно стал играть весьма заметную роль в определенных общественных структурах Вашингтона. Как, в частности, отмечалось в декабре 1939 г. в газете «Нью-Йорк Уорлд-Телеграмм», Х. Прокопé «за несколько месяцев смог охватить весь Вашингтон»¹⁹. Очевидно, в газете, прежде всего, имелось ввиду то, что финский дипломат явно стремился использовать американские органы массовой информации, где активно пытался пропагандировать политику

¹⁵ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 164.

¹⁶ См.: Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 506.

¹⁷ *Paasivirta J.* Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliitiikan hoito. Itsenäistymisestä talvisotaan. Pervoo-Hels., 1968. S. 264-265.

¹⁸ Цит. по: *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota. S. 343.

¹⁹ *New York World-Telegram.* 1939, 2.12. Цит. по: *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

своего государства. В результате его взгляды «попадали на страницы журналов и собирали симпатии американских читателей»²⁰.

Боле того, считалось, что к этому финскому дипломату стал еще позитивно относиться и американский президент Ф. Д. Рузвельт. Как отмечалось в прессе США, Прокопé представлял себя в качестве «горячего друга мистера Рузвельта»²¹, что, очевидно, тоже заметили в Белом доме. В целом, по мнению американского исследователя Р. Собеля, Прокопé был располагающим к себе «молодым, красивым и общительный дипломатом». Далее же историк подчеркнул, что финский посланник показал себя, как человека, который «явно любил Соединенные Штаты, их институты и, в конце концов, женился на американке»²². Все эти личные и общественные качества Х. Прокопé, очевидно, позволили ему достаточно быстро создать для себя довольно широкий круг знакомств и действительно получить в Вашингтоне определенную популярность.

Что же касается непосредственной деятельности Х. Прокопé, то он осенью 1939 г., как это и предполагалось, принялся активно разворачивать свою дипломатическую работу в направлении того, чтобы привлечь внимание американской общественности, а особенно правящей элиты к начавшимся тогда советско-финляндским переговорам. Однако, как считают некоторые исследователи, эта задача для него была достаточно сложной. Более того даже считалось, что вообще «у финнов было мало оснований рассчитывать на американскую помощь»²³. Это собственно и было ярко продемонстрировано когда Прокопé 7 октября 1939 г., еще до официального старта переговоров в Москве, обратился в госдепартамент США с просьбой поддержать позицию Финляндии. Как он там подчеркнул, дабы «воспрепятствовать любым предосудительным действиям советского правительства против Финляндии и в ущерб ей»²⁴. На эту инициативу Прокопé, однако, сразу же получил достаточно холодный и весьма канцелярский ответ. Ему было сказано, что подобное действия, о которых просит Финляндия, для американцев просто невозможны, «поскольку вызовут неблагоприятную реакцию советского правительства, а это нанесет больше вреда, чем какой-либо возможной пользы»²⁵.

²⁰ См.: Hjalmar J. Procopé // https://fi.wikipedia.org/wiki/Hjalmar_J._Procopé (дата обращения: 27.07.2023).

²¹ New York World-Telegram. 1939, 2.12. Цит. по: Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

²² Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

²³ Ibid. P. 74.

²⁴ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 961.

²⁵ Ibidem.

Тем не менее данная позиция госдепартамента, естественно, не могла Прокопе успокоить. Он продолжил свои усилия, направленные на попытки использовать США для возможного давления на Москву. Теперь, проявляя определенную находчивость, Прокопе установил соответствующую связь с помощником госсекретаря Адольфом Берли, считавшимся неофициальным советником американского президента²⁶. Именно у него он смог найти наибольшее понимание и соответствующую поддержку. В частности, появилась идея прямого обращения к самому Ф. Д. Рузвельту, с тем, чтобы американский президент уже лично выразил бы свое отношение к намечавшимся переговорам, поддержал бы Финляндию и проинформировал бы об этом через посольство США в Москве советское руководство. Конкретно финский дипломат выразил надежду о возможности того, чтобы была четко проявлена обеспокоенность «в отношении советских требований к Финляндии» уже лично Рузвельтом. Как убеждал на встрече с А. Берли Х. Прокопе, советские чиновники просто должны «обязательно это выслушать» и будут, таким образом, проинформированы, «без всякого смущения» об американской позиции поддержки Финляндии, причем прямо на самом высоком уровне²⁷.

Позитивная реакция на финское предложение от влиятельного А. Берли, очевидно, привело Прокопе к мысли, что его деятельность в Вашингтоне все же дает уже определенный, выгодный для Финляндии, результат. Поэтому 8 октября он весьма четко сообщил в Хельсинки, что президент Ф. Рузвельт, пока устно, все же высказывает свое обещание относительно возможности моральной и дипломатической поддержки Финляндии в ее противодействии «требованиям России»²⁸.

В результате, после сообщения Прокопе, в Хельсинки в американском направлении действительно начали усиливать свою дипломатическую активность. Теперь уже сам премьер-министр Финляндии А. Каяндер предпринял попытку, со своей стороны, повлиять на США. 9 октября он выступил с публичной речью, которая была посвящена, естественно, финско-советским отношениям. Но при этом финский премьер уделил еще внимание особой роли Америки, на которую, как отметил Каяндер, Финляндия надеется и хочет видеть ее поддержку в ходе предстоящих переговоров в Москве. Каяндер, в частности, выразил надежду, что «американцы будут

²⁶ Adolf Adolf A. Berle // https://en.wikipedia.org/wiki/Adolf_A._Berle (дата обращения: 29.07.2023).

²⁷ Schwartz A. J. America and Russo-Finnish War. P. 6.

²⁸ UM. A. 10 b. Washingtonin-lähetystön raportti, 8.10.1939.

внимательно следить за нашими предстоящими переговорами»²⁹.

Именно тогда, на этом фоне, Прокопé 10 октября, наконец, смог лично встретиться с президентом США³⁰. Причем на встрече он передал хозяину Белого дома уже исключительно официальное обращение президента Финляндии К. Каллио, в котором содержалась просьба прямой политической поддержки. Эта встреча, как оказалось, имела для Финляндии достаточно позитивный результат. Ф. Д. Рузвельт решил сообщить финскому дипломату, что он все же готов передать в Москву свои представления в отношении готовившихся переговоров.

Данное весьма положительное отношение к финской инициативе Белого дома, возможно, была тогда связана еще и с тем, что буквально накануне этой беседы у президента США была еще встреча со шведским посланником. На ней шведский дипломат, «имея указание своего правительства», тоже выразил Рузвельту «надежду», оформленную в виде меморандума наследного принца Швеции Густава Адольфа, на возможность политической поддержки Финляндии. В полученном Рузвельтом шведском отношении содержались также очень красивые слова о том, что «мы рассчитываем на Вас как на надежного сторонника мира и справедливости», а далее выражалась еще надежда, касающаяся крайне деликатного вопроса. Рузвельта спросили: «Не могли бы Вы придумать, как использовать свое влияние в Москве для противодействия любым возможным попыткам агрессивного характера в отношении Финляндии?»³¹. В результате, президент США, действительно, дал свое согласие, «после консультаций с государственным секретарем», направить запрос в Москву³².

В целом, казалось, что миссия Прокопé получила положительное развитие. Финский посланник стремительно сообщил об этом в Хельсинки. Он указал, что Ф. Д. Рузвельт согласился выразить наркому иностранных дел В. М. Молотову просьбу не доводить советской стороной дела до обострения отношений с Финляндией, поскольку, как было подчеркнуто в донесении направленном в МИД Финляндии, в США «не хотят, чтобы война охватила весь прибалтийский регион»³³. Мгновенно, получив эту информацию, министр иностранных дел Э. Эркко сразу же, через посланника США в

²⁹ Цит. по: *Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 75.*

³⁰ UM. Menneet sähkeet. Sähke Washingtonista, 10.10.1939.

³¹ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 966.

³² Ibidem.

³³ UM. 109. A 10 b. J. Procopin muistipaino, 4-14.10.1939.

Хельсинки, поблагодарил американского президента³⁴.

Однако, как оказалось, мнение о четкой поддержке Финляндии, выраженной тогда американским президентом, явно не соответствовало тем представлениям, которые были у госсекретаря³⁵. К. Хэлл не присутствовал при встрече Рузвельта с финским дипломатом, а «когда узнал об этом был в ярости»³⁶. Он проинформировал президента, что если он предпримет какие-либо подобные действия в отношении СССР, то этим «создаст опасный прецедент, а также вообще ухудшит и без того ухудшающееся состояние отношений с Советским Союзом»³⁷. Рузвельт сам тогда очевидно мало верил в эффективность своего обращения в Москву. Он, не без основания, считал, что его влияние на Сталина «практически нулевое»³⁸. Поэтому в Белом доме не стали особо настаивать на каких-либо излишне жестких формулировках, которые могли быть внесены в текст обращения к советскому руководству. Рузвельт согласился с мнением госсекретаря. После обсуждения был составлен «сглаженный» вариант обращения. Именно его, собственно, 12 октября и направили в Москву. Само же это обращение было, кстати, адресовано не В. М. Молотову, как до этого говорил финскому посланнику президент, а председателю президиума Верховного совета СССР М. И. Калинину. Хотя, конечно, в любом случае, вручалось это обращение, естественно, через службы НКВД и передавалось американским послом в Москве лично советскому наркому иностранных дел.

В итоге в переданном в СССР обращении не было никаких «резкостей» или рассуждений «о войне на Балтике», т.е. о том, что хотели бы видеть в Финляндии и о чем писал своему руководству посланник Х. Прокопé. Наоборот, в американском обращении подчеркивалось, что «Соединенные Штаты не принимают никакого участия в событиях, происходящих в Европе». Там «мягко» было подчеркнуто: «...Учитывая дружбу Соединенных Штатов и Финляндии, Президент выражает искреннюю надежду на то, что Советский Союз не предъявит Финляндии требований, несовместимых с поддержанием и развитием дружественных и мирных отношений между двумя странами и независимостью каждой из сторон»³⁹.

³⁴ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009. S. 242; Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 966-967.

³⁵ *Schwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. P. 6.

³⁶ *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 76.

³⁷ Цит. по: *Ibidem*.

³⁸ Цит. по: Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P.965.

³⁹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 179; Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 967; 969-970.

Таким образом, действительно, обращение было составлено в весьма деликатных выражениях, что, очевидно, было вызвано исключительно позицией, которую занимал по данному вопросу госсекретарь К. Хелл. Он понимал, что «в настоящее время движение за мир послужило бы полезной цели», но явно «не хотел отталкивать Россию», занимая сторону только очевидной поддержки Финляндии⁴⁰. Тем не менее, Прокопé в своей информации, направленной в Хельсинки, явно обо всех этих нюансах советско-американских отношений просто не знал. В результате в его послании, которое было передано в МИД, явно присутствовало некоторое приукрашивание «твердости» США. Как оказалось, Прокопé представил своему руководству более жесткую позицию американского президента в отношении СССР, чем это в действительности было в реальном американском обращении.

В любом случае, естественно, в Финляндии с восторгом встретили переданные посланником из Вашингтона сведения. Там почувствовали значимую поддержку США финской делегации на переговорах в Москве. С этого момента, как зафиксировали в диппредставительстве США в Хельсинки, «решимость Финляндии бороться за свою независимость была подкреплена недавними действиями в Соединенных Штатах от имени Финляндии»⁴¹. Сразу же одна из центральных финских газет «Ууси Суоми» в редакционной статье указала, что выступление Америки от имени Финляндии «представляют собой лучи надежды и света в нынешней тьме, из которой мы черпаем уверенность и веру». Тогда же очень стремительно финский министр иностранных дел Э. Эркко выразил признательность «за американскую дружбу и моральную поддержку». Подобные же слова нашлись и у президента К. Каллио, который в ответном послании, направленном Ф. Д. Рузвельту, подчеркнул, что действия Соединенных Штатов «никогда не будут забыты народом его страны»⁴².

Столь быстрая и к тому же очень восторженная реакция финской стороны, естественно, несколько озадачила госдеп. В Вашингтоне явно недоумевали. Там, несомненно, пытались в столь эмоциональной реакции Финляндии разобраться. Было понятно, что для финнов это очень восторженное отношение к американской инициативе являлось, по крайней мере, преждевременным. Конкретно, начальник Отдела по европейским делам государственного департамента на телеграмме, полученной им из Хельсинки,

⁴⁰ *Schwartz A. J. America and Russo-Finnish War. P. 7.*

⁴¹ Цит. по: *Ibid. P. 9.*

⁴² *Ibid. P. 8.*

с информацией о реакции финской стороны написал: «Эта телеграмма [финская информация Прокопé о позиции Рузвельта – В. Б.] была отправлена в среду утром (по вашингтонскому времени) примерно еще за семь часов до отправки нашей в Москву... Неизбежен вывод, что присутствующий здесь [в Вашингтоне – В. Б.] финский посланник составил во вторник вечером не слишком точный отчет после своей беседы с П[резидентом]»⁴³.

Тем не менее, несколько приукрашенное содержание американского обращения в Москву, в действительности весьма усилило в финском руководстве оптимистическое представление о позиции США в отношении начинающихся переговоров в Москве⁴⁴. Там явно просто упивались надеждами на американскую помощь. И это еще больше укрепляло представления, что, учитывая «мнение» США, следует на этих переговорах занимать достаточно жесткую позицию. В результате, еще до начала переговоров, министр иностранных дел Э. Эркко позволил себе сделать заявление, что «Финляндия не может согласиться ни с каким нажимом» со стороны Советского Союза. 10 октября в своем выступлении на заседании комиссии парламента по иностранным он уже включил США в число активных сторонников Финляндии. Эркко заявил: «Мы ни на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во чтобы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»⁴⁵. Те же мысли тогда высказывал и премьер-министр А. Каяндер. Он четко и достаточно прямолинейно сказал, «мы будем стойко защищать свой нейтралитет»⁴⁶.

В целом, Прокопé в это время был явно воодушевлен позицией Рузвельта. Теперь он уже на практической основе стал стремиться решать и другие важные для Финляндии проблемы. В частности, был поставлен вопрос о возможности получения от Соединенных Штатов кредита на сумму 50 миллионов долларов. Чтобы добиться позитивного отношения к данной инициативе, финский посланник, прежде всего, пытался убедить США, что американские деньги пойдут исключительно на гражданские цели. Однако эта новая просьба не получила своего одобрения в госдепартаменте. Как

⁴³ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 967.

⁴⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 121.

⁴⁵ Цит. по: *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 238-239. На это заявление сразу же обратили внимание в Москве. См: Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 78. Информация Л. П. Берия, 12.10.1939; Зимняя война. 1939-1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009. С. 163.

⁴⁶ Цит. по: *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 75; Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

указывает американский историк Роберт Собел, «Хэлл отказался рассматривать этот вопрос, полагая, что ссуда может быть использована для решения сугубо армейских вопросов»⁴⁷.

Тем не менее, надеясь на американскую поддержку, в финском МИДе теперь всячески стремились обстоятельно и весьма подробно информировать США как о ходе самих переговоров, так и о советских условиях, которые были на них выдвинуты⁴⁸. Это, естественно, нарушало достаточно конфиденциальный характер переговоров в Кремле. В Хельсинки это, конечно, хорошо понимали. Поэтому особо обращали внимание американских дипломатов на необходимость с их стороны «соблюдать абсолютную секретность», указывая, что передаваемые ими сведения «предназначены только для вашей личной информации». В целом, такая открытость Финляндии перед Соединенными Штатами была беспрецедентна. Причем в финском руководстве этого даже не стеснялись и открыто сообщили в госдепартамент США, что данные о ходе переговоров имеют эксклюзивный характер и «пока полная информация утаивается даже от скандинавских правительств, возможно, за исключением Швеции, а также от членов финского правительства...»⁴⁹.

Более того Эркко стал связывать все успехи финской делегации в Москве или, как он выразился, «кажущуюся умеренность советской позиции», с политической поддержкой Финляндии, которую ей оказывали тогда Соединенные Штаты. Об этом он прямо 15 октября заявил американскому посланнику в Хельсинки⁵⁰. Эту же мысль он также еще развил в своей речи по финскому радио, которая была адресована американцам. В ней финский министр иностранных дел «благодарил США за то, что они продемонстрировали понимание Финляндии и положительное к ней отношение»⁵¹.

Однако, показательно, что реальная позиция Вашингтона четко сводилась лишь только к тому, чтобы не проявлять явного желания демонстрировать свое стремление к реальной «защите» Финляндии. Естественно, это не мог, наконец, не зафиксировать и финский посланник Х. Прокопé. Он уже 24 октября, с озабоченностью направил Э. Эркко письмо, в

⁴⁷ Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

⁴⁸ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 970-973; 978-981; 986-987; 994-996.

⁴⁹ Ibid. P. 970.

⁵⁰ Ibid. P. 973; Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Porvoo-Hels., 1968. S. 228.

⁵¹ Цит. по: Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 234.

котором, учитывая проявление все же явной американской индифферентности по «финскому вопросу», предложил побудить уже скандинавские страны, через своих посланников в Вашингтоне, заявить Ф. Д. Рузвельту, чтобы тот опять «предпринял демарш в отношении действий Москвы, вынудив ее отказаться от выдвигаемых требований»⁵².

До этого Эркко уже имел в Стокгольме соответствующий разговор со шведским министром иностранных дел Р. Сандлером. Там он вполне искренне благодарил шведов за их «демарш» в США накануне начала московских переговоров, имея очевидно ввиду, меморандум, обращенный к американскому президенту, наследного принца Швеции Густава Адольфа. В ходе беседы Эркко особо отметил свое мнение, что на Молотова американский меморандум имел «сильное воздействие»⁵³. В результате, данный разговор, конечно, мог теперь быть продолжен, но уже в духе тех рекомендаций, которые давались финским посланником Прокопé. Однако эта инициатива достаточно быстро завершилась. Причем с нулевым результатом. Как вынужден был признать сам Прокопé, американский президент просто «в настоящий момент не считает, что существует причина» для реализации предлагаемого финским посланником скандинавского «демарша»⁵⁴. И это, очевидно, было связано с тем, что в США в действительности не видели особо веских для себя причин серьезно погружаться в «финский вопрос» и портить на «финской почве» отношения с СССР. Да это, кстати, Америка особо и не скрывала. Как сообщил по данному поводу госсекретарь К. Хелл, Рузвельт считал, что «своим посланием президенту Калинину... он предпринял все возможные шаги в связи с текущими финско-российскими переговорами»⁵⁵.

Действительно, в Москве официально тогда подчеркнули неуместность вмешательства президента Соединенных Штатов в ход советско-финляндских переговоров. Молотов в своем публичном выступлении 31 октября на сессии Верховного Совета СССР указал, что здесь политику Рузвельта «трудно согласовать с политикой американского нейтралитета»⁵⁶. В целом, в советском руководстве явно не придавали большого значения внешнеполитической активности Америки «по финской линии». В донесении из советского посольства в Вашингтоне тогда четко указывали, что

⁵² UM. 109. C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 24.10.1939.

⁵³ Ibid. 12. K. Muistio pohjoismaiden ulkoministerien neuvotteluista Tukholmassa 18-19.10. 1939 valtionpäämiesten kokouksen aikana.

⁵⁴ Ibid. 109. C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 2.11.1939.

⁵⁵ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 982-983.

⁵⁶ Правда. 1939..1.11.

Соединенные Штаты не станут до предела обострять свои отношения с СССР, поскольку «Рузвельт тем самым подорвал бы в сильной степени свой престиж президента, установившего эти отношения» с Советским Союзом⁵⁷.

Что же касается Прокопé, то он, в своих надеждах на американскую поддержку, продолжал оставаться настроенным на весьма оптимистические для Финляндии перспективы. Он полагал, что Ф. Д. Рузвельт просто не верил «в намерения России довести дело до войны». Об этих взглядах финский посланник докладывал своему руководству 2 ноября⁵⁸.

В целом в Хельсинки сохраняли надежду на эффективное содействие Соединенных Штатов. Эта уверенность подкреплялась наблюдавшейся тогда активной поддержкой позиции Финляндии со стороны американской прессы. Как заметил начальник политического департамента МИД Финляндии А. Паласлахти: «Во время московских переговоров позиция американской прессы в отношении Финляндии была прямо-таки исключительной. Едва ли в какой-либо стране публично и так беспощадно выступали бы против большевистской России и ее соблазнов», как в США⁵⁹. Действительно, по наблюдениям американского исследователя Р. Собея, тогда в Соединенных Штатах, «в отличие от официальных колебаний и явной нерешительности, пресса являлась твердо профинской»⁶⁰. Причем сами эти переговоры в американских органах массовой информации «освещались примерно так же, как боксерский поединок». Финнов здесь незатейливо рисовали в качестве «защитников западной цивилизации», а Финляндию рассматривали исключительно в виде «героических бастионов против азиатского коммунизма»⁶¹.

Однако для руководства Финляндии эти газетные публикации все же не должны были стать излишне обнадеживающими для них поводом в необходимости сохранения «твердой» позиции в отношении переговоров. В данном случае, по мнению Р. Собея, ситуация с американской прессой являлась далеко не такой однозначной. Он прямо подчеркнул: «Если Вашингтон колебался между нерешительностью и проповедями, то пресса

⁵⁷ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 15. Д. 158. Л. 214. Донесение советского полпредства в США, 1939.

⁵⁸ UM. 109. С 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 2.11.1939.

⁵⁹ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S.163.

⁶⁰ Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77.

⁶¹ New York Herald Tribune. 1939, 3.10; Chicago Daily News. 1939, 14.10; Chicago Tribune. 1939, 22. 10 (Цит. по: Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77-78).

играла лишь роль лающей собаки, но без зубов»⁶². К тому же исследователь обратил внимание на то, что в американской печати также выражалось еще весьма отчетливое мнение, что на переговорах Финляндии все же «когда-нибудь» придется уступить СССР. В частности, говорилось, что эта уступка, возможно, будет заключаться в том, чтобы «отказаться от прав на некоторые порты или военно-морские базы». Это считалось «необходимым, чтобы сохранить свою независимость». В любом случае, как отмечалось в американской прессе, у «Соединенных Штатов не будет другого выхода, кроме как остаться в стороне и лишь выражать сочувствие Финляндии»⁶³.

Но, конечно, сочувствия финнам было явно недостаточно. Финляндия продолжала четко пытаться оказывать на политику Америки в отношении СССР определенное свое воздействие. В частности, в финской печати тогда стали распространяться никем не подтвержденные сведения о том, что американские дипломаты и далее открыто и демонстративно продолжают в Москве стремиться поддержать на переговорах финскую делегацию. В печати Финляндии, в частности, появилась даже информация, что в Москве главе финской делегации на переговорах Ю. К. Паасикиви один «высокопоставленный чиновник американского посольства передал от президента Рузвельта личное послание с выражением сочувствия и просьбой держать его в курсе хода переговоров»⁶⁴. Это в США явно вызвало некоторое недоумение и потребовало от американского посла в СССР направить в госдепартамент информацию, что ни он, «ни кто-либо из сотрудников посольства не видели Паасикиви во время его визитов в Москву»⁶⁵.

Тем не менее, по мере продолжения советско-финляндских переговоров, в американском дипломатическом представительстве уже стали фиксировать их очевидное обострение. В результате, 4 ноября посол Соединенных Штатов в Москве Л. Штейнгардт четко сообщил, что, по его мнению, «переговоры, похоже, вступают в самую деликатную и даже опасную стадию, и вполне вероятно, что Сталин в настоящее время обдумывает свое окончательное решение по данному вопросу»⁶⁶. Эта информация, естественно, должна была более ясно определить позицию США в отношении возможной реальной дипломатической поддержки Финляндии. Однако, в Вашингтоне ничего

⁶² *Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77.*

⁶³ *New York Daily News. 1939, 17. 11 (Цит. по: Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77).*

⁶⁴ *Helsingin Sanomat. 1939. 29.10.*

⁶⁵ *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 983-984.*

⁶⁶ *Ibid. P. 993.*

особого опять не предпринимали. Даже после срыва 12 ноября переговоров, американские дипломаты в Хельсинки посчитали, что ничего особо не меняется. Подчеркивалось: «В настоящее время финское правительство ничего не делает, чтобы усугубить ситуацию»⁶⁷. Более того, примечательным стало то, что в американских дипломатических кругах вообще полагали, что ответственность за произошедший срыв советско-финляндских переговоров лежит в действительности только на Хельсинки. Эти взгляды буквально за несколько часов до начала «зимней войны» выражались в американском посольстве в Москве. Конкретно 29 ноября в госдепартамент США прямо сообщалось, что «следует напомнить, что провал переговоров произошел в результате отказа финского правительства предоставить базу» на полуострове Ханко⁶⁸. Таким образом, это свидетельствовало, что в действительности у Финляндии существовало очень мало реальных возможностей ожидать абсолютного понимания и абсолютной поддержки от Соединенных Штатов.

Единственное, что США тогда осуществили, причем уже в самый канун войны, это направили в Наркомат иностранных дел новое обращение. В нем говорилось, что американское «правительство с серьезной озабоченностью следит за обострением финско-советского спора» и также подчеркивалось, что в Вашингтоне «с крайним сожалением отнеслись бы к любому расширению нынешней зоны военных действий и последующему дальнейшему ухудшению международных отношений». Такие слова были более «жесткими» и в какой-то степени, вероятно, их ожидали в Хельсинки от американцев еще в момент начала переговоров. Но в октябре 1939 г. они, как известно, не прозвучали. Только в самый канун войны в Вашингтоне все же решили финнов поддержать более определенно. В новом послании Вашингтона подчеркивалась готовность стать уже посредником в деле улаживания конфликта. Конкретно заявлялось, что американское «правительство, если это будет приемлемо для обеих сторон, и никоим образом не вмешиваясь в существо спора и ограничивая свой интерес исключительно мирным урегулированием спора, с радостью окажет свои добрые услуги»⁶⁹.

Однако война все же началась. Причем когда 30 ноября советские войска перешли государственную границу, то и на этот раз в США восприняли эту информацию достаточно оригинально. Там, прежде всего, обратили внимание, что президент К. Каллио, в ответ на начало на советско-финской границе боевых действий, принял решение объявить «о вступлении в Финляндской

⁶⁷ Ibid. P. 999.

⁶⁸ Ibid. P. 1003.

⁶⁹ Ibid. P. 103-104.

республике в силу военного положения»⁷⁰. Это заявление финского президента в госдепартаменте было воспринято как объявление войны СССР. Посчитали, что раз Советский Союз не объявлял состояния войны с Финляндией, а из Хельсинки сообщалось, что страна объявила о вступлении в войну, то это являлось уже исключительно финской инициативой. В результате, одним из первых запросов из Вашингтона, который прибыл в МИД Финляндии, было выяснение, является ли решение президента К. Каллио «объявлением войны»⁷¹. Тем самым в госдепартаменте даже допускалась мысль, что Финляндия сама могла в сложившихся условиях лично пойти на принятие решения об объявлении войны Советскому Союзу.

В финском министерстве иностранных дел, естественно и достаточно быстро, все разъяснили. В Вашингтон срочно ушло сообщение, что «Финляндия не объявляла войны и не является воюющим государством»⁷². В дополнение к этому, чуть позднее, из Хельсинки последовала развернутая информация о переходе советскими войсками государственной границы и о бомбардировках ряда финских городов. 1 декабря 1939 г. посланник Х. Прокопé лично встретился, в присутствии К. Хэлла, с президентом Ф. Д. Рузвельтом и четко его проинформировал, что «Финляндия не объявляла войны России». Американский же президент в этом отношении, как сообщал Прокопé, «проявил исключительную благожелательность, заявив, что готов помочь, чем возможно»⁷³.

Действительно, в новых условиях Соединенные Штаты весьма активно включились в оказание помощи Финляндии. Речь шла о разнообразной поддержке – политической, экономической и военной. Но это был уже новый период финско-американских отношений. Что же касается времени, которое предшествовало началу войны, то здесь, несомненно, финское внешнеполитическое руководство, как это и отмечал К. Г. Маннергейм, явно преувеличивало роль США в стремлении оказать поддержку Финляндии. Данное представление было, очевидно, вызвано неправильной оценкой финского МИДа особенностей внешней политики Соединенных Штатов. Кроме того, большую роль здесь сыграли субъективные представления, связанные с личными взглядами министра иностранных дел Э. Эркко, а также посланника в Вашингтоне Х. Прокопé. В данном случае, вероятно, можно

⁷⁰ UM. 109. В 1. Suomen julistaminen sotatilaan. 30.11.1939.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid. UM:n vastaus USA:lle Suomen julistaminen sotatilaan, 30.11.1939; См. также: 109. С 2С. Sähkösanoma Washingtoniin UM: lta, 30.12.1939.

⁷³ Ibid. 109. С. 1. Salasähke Washingtonista, 1.12.1939.

согласиться с мнением американского историка Р. М. Берри, который утверждал, что «политику великой державы нельзя адекватно интерпретировать через призму концепции малого государства». Он здесь достаточно справедливо отметил: «У великих держав есть общие черты, особенно это пренебрежение правами малых стран»⁷⁴. Эта черта, безусловно, принадлежала тогда и Соединенным Штатам Америки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Baryshnikov V. N. *Finskaya voyna [Finnish War]*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2023. 448 p. (In Russian)

Барышников В. Н. Финская война. Москва: Кучково поле, 2023. 448 с.

Baryshnikov V. N. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. [On the problem of the participation of England and France in the Soviet-Finnish War of 1939-1940] in *Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora E. D. Frolova*. St. Petersburg: Publishing House of Sankt-Peterburgskogo universitetata, 2008. P. 457-458. (In Russian)

Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С.457-458.

Berry R. M. *American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities*. Helsinki: Studia historica 24, 1987. 492 p.

Dokumenty vneshney politiki [Documents of foreign policy]. Т. XXII. Кн. 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1992. 708 p. (In Russian)

Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. Москва: Международные отношения, 1992. 708 с.

Feld A. E. Sovetsko-finskaya voyna 1939-1940 gg. glazami amerikantsev [The Soviet-Finnish war of 1939-1940. through the eyes of Americans] in *Metamorfozy istorii*. 2003. № 3. P. 149–160.

Фельд А. Е. Советско-финская война 1939-1940 гг. глазами американцев // Метаморфозы истории. 2003. № 3. С. 149–160.

Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington: United States Government Printing Office, 1956. 1160 p.

Frietsch C. O. *Suomen kohtalonvuodet*. Helsinki: Tammi, 1945. 574 s.

Ickes H. *The Secret Diary*. Vol. III. New York: Simon and Schuster, 1954. 695 p.

Jacobs T. B. *America and the Winter War, 1939–1940*. New York – London: Garland Pub., 1981. 265 p.

Jakobson M. *Diplomaattien talvisota*. Porvoo- Helsinki: WSOY, 1968. 400 s.

Mannerheim G. *Muistelmat*. Os. II. Helsinki: Otava, 1952. 526 s.

⁷⁴ Berry R. M. *American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities*. P. 11.

- Manninen O., Salokangas R. *Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti*. Helsinki: WSOY, 2009. 780 s.
- Paasivirta J. *Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliittikan hoito. Itsenäistymisestä talvisotaan*. Porvoo- Helsinki: WSOY, 1968. 303 s.
- Pakaslahti A. *Talvisodan poliittinen näytelmä*. Porvoo: WSOY, 1970. 316 s.
- Polvinen T. USA ja Suomen talvisota, in *Historiallinen Aikakauskirja*. 1984. № 4. S. 342-343.
- Schwartz A. J. *America and Russo-Finnish War*. Washington: Public Affairs Press, 1960. 103 p.
- Sobel R. *The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War*. New York: Bookman, 1960. 204 p.
- Sto zamechatelnykh finnov. Kaleydoskop biografiy [One hundred wonderful Finns. A kaleidoscope of biographies]*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. 814 p. (In Russian)
- Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. 814 с.
- Zimnyaya voyna. 1939-1940 gg. v rassekrechennykh dokumentakh Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii i arkhivov Finlyandii [Winter war. 1939-1940 in declassified documents of the Central Archive of the FSB of Russia and the archives of Finland]*. Moscow: Akademkniga, 2009. 815 p. (In Russian)
- Зимняя война. 1939-1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. Москва: Академкнига, 2009. 815 с.